

Лу Андреас-Саломе. Мысли о проблемах любви

Мысли о проблемах любви

В рамках эмоциональных отношений человека с окружающим миром, со всеми его живыми существами и вещами все можно, на первый взгляд, расположить в определенном порядке, разделив на две большие группы: с одной стороны - все однородное, симпатичное, интимно-близкое, а с другой - все неоднородное, чужое, враждебное. Наш природный эгоизм непроизвольно чувствует себя либо побуждаемым разделить радость, так проникнуться сочувствием к сущности другого, как будто речь идет о собственном "я", либо наоборот, что-то заставляет его замкнуться, съежиться, отвергая внешний мир, выступая агрессивно, угрожающе против него. Такой тип эгоизма в более узком значении слова есть своеволие, которое любит только себя и прислушивается только к себе, а все остальное подчиняет собственным целям; напротив, тип так называемого самопожертвования есть натура самаритянина с ее идеалом всеобщего братства; этот идеал признает в каждом, даже самом отчужденном существе, стремление к великому единению со Вселенной. Оба эти свойства беспрестанно и неумолимо заостряются в ходе развития человечества, и от того, как решится конфликт между ними, будет зависеть характер культуры каждой отдельной эпохи. Они никогда не смогут окончательно примириться друг с другом. И если одна из этих двух противоположностей резко поднимется до уровня единственного повеления, то произойдет это только в том случае и будет лишь тогда оправданно, если другая в силу своей утрированности будет нуждаться в особенно резкой коррекции.

В реальной жизни трудно в каждом отдельном случае верно провести границы между слабостью и добром, между суровостью и силой духа, и то, как люди должны объединять в себе добро и силу, - предложений и мнений на этот счет существует множество, словно песка в море. Между тем это обстоятельство психологически интересно тем, что человек не может вступить ни в одно из этих состояний, не вредя себе, и что они оба, несмотря на их видимое противоречие, все же, в конце концов, могут находиться во взаимодействии.

Эгоист, который, по возможности, многое для себя требует, так же, как и альтруист, который многое отдает другим, на своем языке творят одну и ту же молитву одному и тому же Богу - и в этой молитве любовь к самому себе нераздельно смешивается с отреченностью от самого себя в одно целое: "я хочу иметь все" и "я хочу быть всем", они достигают своего апогея в сходстве самой интенсивности страстного желания. И что же?

Оба ничего не добиваются, ибо в этом и кроется суть противоречия. Эгоист должен перестать быть эгоистом, точно так же, как неэгоист должен стать эгоистом. Это наши стены, в которые мы упираемся и на которых мы рисуем свою картину мира.

Именно в абсолютном противоречии кроется новое, необыкновенно эффектное и плодотворное в них, поскольку оно вызывает такое состояние, что человек фактически

уходит сам в себя и одновременно выходит из своей скорлупы обратно в целое жизни. Это касается и эротических отношений. Часто, - и не без основания, - замечают, что любовь - это вечная борьба, вечная враждебность полов и даже, если в отдельных случаях это звучит несколько преувеличенно, все же мало кто станет отрицать тот факт, что в любви встречаются две противоположности, два мира, между которыми нет мостов и не может быть никогда.

Не случайно в природе действует тот закон, который самое близкородственное размножение наказывает неплодовитостью, дегенерацией, гибелью.

В любви каждого из нас охватывает влечение к чему-то иному, непохожему; это новое может быть предугаданным нами и страстно желанным, но никогда не осуществимым. Поэтому постоянно опасаются конца любовного опьянения, того момента, когда два человека слишком хорошо узнают друг друга - и исчезнет это последнее притяжение новизны. Начало же любовного опьянения связано с чем-то неизведанным, волнующим, притягательным; это озарение особенно волнующее, глубоко наполняющее все ваше существо, приводящее в волнение душу. Верно, что полюбившийся объект оказывает на нас такое воздействие, пока он еще не до конца знаком. Но как только рассеивается любовный пыл, он тут же становится для нас символом чужих возможностей и жизненных сил.

После того как влюбленные столь опасным образом открываются друг другу, они еще долгое время испытывают искреннюю симпатию. Но эта симпатия, увы, по своей окраске уже не имеет ничего общего с прошедшим чувством, и характеризуется часто, несмотря на честную дружбу, тем, что полна мелких обид, мелкой досады, которую, как правило, пытаются скрыть.

В любви эгоизм распространяется не добросердечно и мягко, он во много раз заостряется как сильное оружие захвата. Но этим оружием не пытаются как-то захватить облюбованный предмет для собственных целей, этим оружием он завоевывается лишь для того, чтобы оценить объект со всех сторон, чтобы переоценить его, вознести на трон, носить на руках. Эротическая любовь скрывает весь возросший эгоизм под доброжелательностью, возникшая страсть, беспечная к противоречиям, соединяет доброжелательность и эгоизм в едином чувстве.

Любящий человек чувствует себя сильным: он чувствует, будто завоевал весь мир в силу этого внутреннего союза собственного "я" с тем, что привлекало его как высшее проявление всех прекрасных возможностей и необычностей всего мира. Но это чувство - только обратная психическая сторона того физиологического процесса, при котором человеку фактически удается возвыситься над самим собой, в котором он себя ощущает самым полным образом и добивается наибольшего успеха: в любовной страсти он соединяется с другим не для того, чтобы отречься от самого себя, а для того, чтобы еще раз превзойти самого себя - чтобы продолжиться в новом человеке - в своем ребенке.

Итак, эротические отношения - это промежуточная форма между отдельным существом, эгоистом, и социально чувствующим существом.

В действительности эротическое чувство само по себе является таким же своеобразным миром, как и все социально окрашенные чувства или чувства отдельного эгоистического человека; эротическое чувство проходит все ступени: от самых примитивных до сложнейших в своей собственной сфере.

Понятно, почему такое по сути противоречивое своеобразие, как своеобразие любовных ощущений, оценивается обыкновенно как зыбкое; почему это своеобразие лишь в незначительной степени считается эгоистичным и переоценивается скорее как альтруистское. Это второе противоречие, из которого оно совершенно очевидно и полностью состоит. Тут физические способы выражения смешиваются с духовными и, несмотря на противоречивость, все же уживаются. Мы привыкли отличать наши самые сильные физические потребности и инстинкты от наших духовных исканий, но мы также знаем и то, как тесно они связаны между собой и как непременно они сопровождают друг друга; таким образом физические процессы не выступают с такой требовательностью, чтобы постоянно притягивать к себе наше внимание и чтобы через нас самих себя осознавать. Эротическое чувство наполняет нас как никакое другое, насыщая всю душу иллюзиями и идеализациями духовного рода, и толкает нас при этом жестоко, без малейших поблажек на жертву такого возбуждения - на тело. Мы не можем его больше игнорировать, мы не можем больше от него отворачиваться: при каждом откровенном взгляде на сущность эротики мы словно содействуем древнему изначальному спектаклю - процессу рождения психического в своем полном великолепии из огромной, всеохватывающей утробы-матери - физического.

Но здесь мы связываем понятия "физическое" и "духовное" как отдельные представления, точно так же, как невольно пытаемся это сделать и с понятиями "эгоистическое" и "альтруистическое", чтобы по возможности целостно понять феномен любви и выразить это единым представлением.

Отсюда - странный дуализм во мнениях об эротическом, и отсюда - изображение эротического, исходящее из двух совершенно противоположных сторон.

Резкости этих контрастов способствует еще одно обстоятельство. Наша половая жизнь - точно так же как и все остальное - физически в нас локализована и отдельна от прочих функций. Половая жизнь воздействует централизованно и так же обширно, как деятельность головного мозга, но отличие ее в том, что при этом она выступает на передний план намного грубее и выразительнее.

Да, "темное" чувство этого феномена любви может само прийти к влюбленным, и, возможно, это явится одной из самых сильных причин того глубокого инстинктивного стыда, который будут испытывать совершенно юные непорочные люди по отношению к своей физической связи. Этот первоначальный стыд не всегда восходит только к недостаточному опыту, а возникает спонтанно: они считали и ощущали любовь как целостность, всей их взволнованной сущности, и этот переход к специальному физическому процессу, к процессу, на который падает ударение, сбивает с толку: это походит на то, как ни парадоксально это звучит, как если бы между ними двоими присутствовал еще и третий. И это вызывает такое ощущение, будто они сблизились

преждевременно, в безусловном расточительстве своей духовной общности.

Тем не менее это сближение пробуждает в человеке пьянящее, ликующее взаимодействие продуктивных сил его тела с наивысшим духовным подъемом. И хотя нашему сознанию наша же собственная телесность знакома довольно плохо и еще меньше подлежит контролю тот мир, с которым мы должны вступить в соединение, став единой сущностью -неожиданно возникает такая остроощущаемая иннервация между ними, что все желания вспыхивают в одночасье - разом и одновременно.

Справедливо утверждение: всякая любовь - счастье, даже несчастливая. Справедливость этого выражения можно признать полностью, без всякой сентиментальности: понимая это как счастье любви в самом себе, которая в присущем ей праздничном волнении будто бы зажигает сто тысяч ярких свечей в затаенных уголках нашего существования, чей блеск яркими лучами озаряет всех нас изнутри. Потому люди с истинной душевной силой и глубиной знают о любви еще до того, как полюбили, - подобно Эмили Бронте.

В эротическом опыте реальной жизни любовь и обладание другим человеком прибавляют к этому глубинному опыту особый вид счастья, счастья как бы удвоенного - подобно эффекту эха. Удивление и радость от того, что вещи изнутри откликаются на наш возглас ликования.

Поэтому любой вид духовно-творческой деятельности в эротическом состоянии с особой силой подвержен влиянию, порою он повышается, воодушевляется, и это случается даже в тех сферах, которые практически очень далеко лежат от всего личного.

Обращенный в эту творческую глубину, наш дух, находясь в таком бессознательно-эротическом состоянии, обнаруживает силы, которые до этого были неведомы нам, наряду с утратой других сил, которые были известны нам ранее.

Это звучит странно, но есть тем не менее чудесные стороны бытия, которые воистину в полной мере связывают влюбленного с часто хваленой детской непосредственностью гениально творящих натур.

Эта детская непосредственность, в которую, в силу эротического омоложения, может впасть самый благоразумный и закоренелый педант, отличает строжайшим и неподкупнейшим образом подлинно эротическое от любого рода похоти, ибо та всегда остается изолированной, локальной в своем телесном возбуждении и не вызывает того исключительного состояния опьянения, которое охватывает человека целиком.

Определенные вещи стилизуются, ощущаются как бы вне реальности в своем собственном мире, и может потому, что они поэтически наполнены, и могут только в такой форме вообще восприниматься.

Художник выбирает только те вещи, которые его настраивают продуктивно вплоть до гениальности, он может выбирать к тому же только определенные их стороны, а также

только определенные отношения их сущности к самому себе, не обращая внимания на прочие качества.

Что касается объекта нашей любви, то не мы открываем его, как и не мы выбираем его для себя - мы выбираем в нем только то, что как раз необходимо нам, чтобы это открылось в нас самих. Поэтому любовь и творчество в корне своем тождественны.

Вот почему чувство эротического в нас, без всякого сомнения, должно быть по сути своей точно таким, как гениальное творчество, которое воспринимают чаще как периодичность, которое приходит и прерывается, и чью интенсивность или полноту счастья совершенно определенно измерить в отдельном случае нельзя, как нельзя предположить и его продолжительность. И все же, при любых обстоятельствах, сильное любовное чувство неспособно поверить до конца в крах своих же иллюзий.

В любви, как и в творчестве, лучше отказаться, чем вяло существовать. Лучше верить, что периодичность высшего счастья в любви, как и в творчестве, естественна. И все же колебания чувств переносятся весьма с трудом, в особенности когда их фазы не всегда у двух людей совпадают.

Преходящий характер любой любовной страсти, как в творчестве, мог бы приводить к менее опасным кризисам, если бы к этому не добавлялись некоторые недоразумения.

Жизнь и любовь не совпадают и делают затем друг другу печальные уступки, чтобы вообще продолжать существовать: любви предоставляется несколько праздничных мгновений, но она неохотно соглашается снять после бала свои праздничные одежды, и в самом скромном, повседневном платье ютиться в углу. Но этот печальный конец, который искушенный человек обычно с грустной уверенностью предвидит для всякого влюбленного, оттого и случается, что сначала блеск любви воспринимается как очень важный, но затем ее право на ее собственный и праздничный наряд и ее идею вечного возрождения праздника недооценивается.

Это, конечно, должно звучать печально, как проповедь все более глубокого одиночества для каждого, кто хочет выйти за его пределы. Между тем фактически только это возвращает любви ее право властвовать вместо того, чтобы отнять его после кратковременного первого опьянения и вместо того, чтобы смешать его с узкообусловленными выгодами жизни. Все же любовь действует как не прямой повод в том случае, если она используется любимым человеком в качестве огнива, а не в качестве самого огня, у которого он согревается. Однако за это остается ей ограниченная власть так долго, как она хочет этого, и так далеко, как только она может достичь во всех областях жизни. Дальше и дальше может она действовать подобно тому, как она поступает в физическом слиянии: охваченный ею, человек зарождает настоящую полноту жизни в контакте с другим человеком, в нем высвобождается его творческая сила, так дело всей жизни, вся внутренняя плодотворность и красота могут брать свое начало только из этого контакта, ибо это именно то, что для каждого человека означает "все" - момент связи с недостижимой подлинностью вещей. Она - средство, при помощи которого с ним говорит сама жизнь, которая неожиданно

становится чудесной, яркой, как будто она говорит на языке ангела, милостью которого она находит необходимые именно для него слова.

Любить - это означает знать о ком-то, чей "цвет мира" - способ видения вещей - вы должны принять так, чтобы эти вещи перестали быть чужими и ужасными, или холодными, или пустыми, словно, приближаясь к раю, вы приручили диких животных. Так в самых прекрасных песнях о любви живет соль самой эротики, которая тоскует о возлюбленной так, как будто возлюбленная - не только она сама, а также весь мир, вся вселенная, как будто бы она еще листочек, дрожащий на ветке, как будто луч, сверкающий в воде - преобразовательница всех вещей, одновременно способная преобразовываться во все вещи: так, дробясь и соединяясь, оживает образ предмета любви в сотнях тысяч отражений.

Наибольшая опасность кроется не в том безрассудном ослеплении любовной страсти, когда человек в другом хочет увидеть больше, чем есть на самом деле: опасней, если вместо этого он попытается наоборот - представить свою собственную сущность искусственно, "по образу и подобию" другого. Только тот, кто полностью остается самим собой, может рассчитывать на долгую любовь, потому что только во всей полноте своей жизни он может символизировать для другого жизнь, только он может восприниматься ею как сила. Ничего поэтому так не искажает любви, как боязливая приспособляемость и притирка друг к другу, и та целая система бесконечных взаимных уступок, которые хорошо выносят только те люди, которые вынуждены держаться друг друга лишь по практическим соображениям неличностной природы, и должны эту необходимость по возможности рационально признать. Но чем больше и глубже два человека раскрыты, тем худшие последствия эта притирка имеет: один любимый человек "прививается" к другому, это позволяет одному паразитировать за счет другого, вместо того, чтобы каждый глубоко пустил широкие корни в собственный богатый мир, чтобы сделать это миром и для другого. В этом причина такого своеобразного и все же отнюдь не редкого явления, когда после продолжительной и повидимости счастливой жизни смерть разделяет пару, и - оставшаяся в живых "половина" неожиданно начинает расцветать по-новому. Иногда женщины, которые были для своих спутников слишком преданными, полностью сокращенными до "половины", узнают став печальющимися вдовами, к своему собственному удивлению, чудесный поздний расцвет своей подавленной, почти уже позабытой собственной сущности.

На деле быть "половинами" всегда плохо для обеих сторон и всегда бывает тесно в их "жилище", если они к тому же еще "притерлись" друг к другу: хотя они говорят теперь "мы" вместо "я", но "мы" уже не имеет никакой ценности, когда захвачено "я", - и это относится не только к духовно бедным личностям, но свойственно и для личностей с богатым внутренним миром, где один у другого наивно отнимает его содержание, присваивает и пытается жить сам, и для этого прячет внутрь свое собственное, до тех пор, пока они не разлучатся. Теперь они, может быть, были бы друг для друга по-братски родными, если бы они не любили друг друга - с воспоминаниями и страстными желаниями - были бы, если бы только по ошибке из привлекательной, плодотворной новизны - которой они были друг для друга - они не стали бы смертельной банальностью друг для друга.

Люди говорят о любви с громким преувеличением. Зачем они преувеличивают? Они вынуждены это делать, потому что они не могут объяснить это по-другому - а в объяснении они никогда не были сильны - как же это все-таки происходит, что становятся все больше уверенными в себе, когда любят другого, и что двое только тогда становятся одним, если ли они остаются двумя.

Они потому так редко остаются "двумя", потому что единство, по большей части, означает искажение.

Отсюда постоянно растущее взаимное недовольство, столь сильно охватывающее любовную страсть. Опасаются стать ограниченными, опасаются отсутствия больших возможностей для развития и перемен, и смотрят с растущим недоверием на "возможность вечной любви в дальнейшем".

В прежней их вере скрывалось много наивной нетребовательности относительно действительно оживляющего любовного чувства.

Современный человек уже лучше знает, что люди никогда друг другом не "владеют", что они получают или теряют друг друга в любой момент жизни, что любовь вообще "существует" только в их фактическом спонтанном воздействии. По этой причине сегодня трудней отделить легкомыслие или игру от подлинной любовной страсти, и все же они перемешаны не сильнее, чем раньше. Но если раньше даже довольно незначительное и бедное в чувственном смысле весьма малопродуктивное внутреннее отношение пытались представить божьей милостью, то теперь можно отказаться, при обстоятельствах, от относительно богатой и глубокой любовной связи спустя непродолжительный отрезок времени (так, как раньше "от флирта"), потому что приходит понимание того, что она все же не является абсолютно всем, что может дать любовь, и что лучше - идти дальше порознь. Конечно, в таком понимании лежит определенная жестокость. Эта жестокость знает, что там, где любовь хочет быть большим, чем чувственное или мечтательное времяпрепровождение, она должна сотрудничать с той же самой великой задачей жизни, которой принадлежат наши самые высокие цели и самые святы надежды, - и что она из своей области, из самой себя должна завладеть отрезком жизни после другого. Самая совершенная любовь останется всегда такой, пока ей удастся самым совершенным образом в большинстве моментов и областей "сделать" так, что человек переживает все посредством другого человека, - да, до тех пор, пока они в состоянии вместе быть "всеми": влюбленными, супругами, братом и сестрой, друзьями, родителями, товарищами, играющими детьми, строгими судьями, милосердными ангелами.

Если мы взглянем в мир простейших существ, то мы обнаружим, что маленькие амебы совокупляются и размножаются, причем они попарно вжимаются одна в другую, абсолютно сливаясь с другим существом. Нам кажется естественным, что люди в области физической уже не способны на столь полное слияние; наше тело удовлетворяется тем, что лишь частичка его самого должна "пойти" для оплодотворения, лишь она должна принять участие в этом полном слиянии и только в узкоограниченной функции.

Станным образом, но в том, что касается души, а не тела, нам хочется, чтобы это взаимопроникновение распространялось еще дальше, - так, как это происходит у амеб. Душой мы хотим того же самого, что и телом: не растворения в другом человеке, а - наоборот, благодаря своему контакту, - плодотворного становления, усиления, удвоения, вплоть до плодотворного роста. В таких же отношениях состоят художник и его творчество. Потому что автор, даже не соприкасаясь при этом с предметом, пребывает с ним в этом "амебообразном соитии", поскольку этот предмет оплодотворил его фантазию.

За этой полной аналогией физических и духовных способов выражения любовного восприятия стоит то, что при этом речь идет только о двух сторонах одного и того же процесса. Как творческое возбуждение коренится в процессах фантазии, так эротическое возбуждение, подобно процессу творчества, нельзя вычленишь из фантазии, являющейся его порождающим центром. Несправедливо относятся к эротическому процессу, если его ограничивают лишь грубым физическим действием, а все дальнейшее больше не хотят признавать. Но с не меньшей несправедливостью относятся к нему те, которые его лишь морализуют и эстетизируют, искажая при этом половую жизнь. Эротическое - это все то, что относится к изначальной силе притяжения, преодолевая при этом существующую разделенность и несходство между телесными и духовными проявлениями его сути, подчеркивая физический момент в духовном и наоборот.

С этой суверенной областью - ведь эротическое являет свой собственный целый мир во всех его физических проявлениях - пребывают в разнообразных конфликтах другие области человеческой жизни и различные мнения человека. Пример тому - то, как часто люди могут одновременно любить и презирать. Я при этом предвижу, в очень частом случае, что наше "презрение" только привито и что именно любовь в действительности совпадает с нашей глубинной оценкой вещей.

Притягательность предмета остается источником сильного опьянения, но опьянение нашей целостной сущности существует лишь только в пределах определенных моментов, в то время как в другие моменты наступает уныние, разочарование. Если эта симпатия возникает в очень чувствительных местах души, ей противостоят в нашей сознательной личностной направленности очень сильные пристрастия и оценки: таков исток борьбы между любовью и презрением, и, странным образом, от каждого человека, без исключения, ожидается, что он преодолеет свою страсть, хотя никто - даже он сам - не может предугадать, какие боги в глубине глубин борются тут за его сердце и на какой стороне может быть самая тяжелая потеря, серьезное увечье.

Как своеобразный итог этих размышлений напрашивается вопрос: почему любимый предмет так часто настолько мало нам подходит - по сравнению с большинством симпатичных нам людей - и почему, тем не менее, для нас все сосредотачивается в нем одном? Почти в каждой любовной страсти живет это недоразумение и, невольно спрашивая себя о причине выбора и тайне своей зависимости, мы, как правило, не в состоянии их объяснить.

Это происходит тогда, когда в основе любовной страсти лежит физическое впечатление, причем это физическое впечатление говорит на совершенно "другом языке", так сказать, символизирует, обещает совершенно иное, нежели то, чем оказывается душа этого человека при более близком знакомстве. Это происходит так, как будто его походка, его вид, его улыбка, его интонация, короче, все, до самых мельчайших черточек его существа, рассказало о совершенно другом человеке, чем он есть на самом деле.

Если речь идет о страсти легкого рода, то этот парадокс не сильно ее разрушает, ведь она, собственно, и любит только физического человека, и потому она не находится в трагическом конфликте, подобно конфликту между любовью и презрением. В своих физических впечатлениях она не ошибается и никогда не ошибется: в этом человеческие инстинкты не могут заблудиться. Но может случиться так, что то, что она видит и чувствует в этом отдельном индивидууме, явственно подчеркнуто только физически - может быть, возрастом, предками, особенностями семьи, может быть, с детства - т.е. то, чего он лишился со временем, что было отрезано приобретенными позднее внутренними свойствами. Тело - более консервативная сила, и многое медленно в него "внедряется".

То, что мы любим, схоже со светом тех звезд, которые от нас так далеки, что их свет мы видим только после того, как они сами уже погасли. Мы любим потом нечто, что есть и чего одновременно нет, но даже потом мы любим не зря. Ибо даже потом этот еще видимый, уловимый луч угасающего света может зажечь огонь всей нашей сущности, который не смог бы так вспыхнуть ни от одной другой, самой богатой действительности. Эротически мы любим только то, что в самом широком смысле физически выражено, что, так сказать, стало физическими символами, обрело материальность. Это подчеркивает всю окольность пути от одной человеческой души к другой. Это означает, что мы уже действительно никогда не приблизимся друг к другу, и нечто подобное только изображаем физически. Между тем, по причине дарованного нам физического повода, сами в себе мы создаем блестящий портрет другого и тем самым все наши силы высвобождаются и воодушевляются. В этом кроется и причина того, почему в некотором смысле искаленного или обезображенного человека можно продолжать безумно любить, поскольку он уже прежде подал нам не обезображенно и не изувеченно свою физическую символику.

Любовь - это как раз и полностью физическое, и самое глубоко-духовное, спиритуалистическое, что в нас проявляется: она всецело удерживается в теле, но и в нем всецело является символом, подобием для любого человека и для всего, что прокрадывается через ворота чувств в нашу самую сокровенную душу, чтобы ее разбудить.

Вечное отчуждение в вечном состоянии близости - древнейший, извечный признак любви. Это всегда ностальгия и нежность по недостижимой звезде.

Только творческий человек знает, что счастье и мучение являются одним и тем же во всем самом интенсивном, самом творческом опыте нашей жизни. Но задолго до него чужак-человек, который любил, - моля, простирал руки к звезде, не спрашивая, будет ли

Лу Андреас-Саломе. Мысли о проблемах любви

Добавил(а) Социология
14.01.11 04:05 -

это радостью или страданием.